

Л. Н. Пушкарев

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПО РУССКИМ РУКОПИСНЫМ ПОСЛОВИЦАМ РУБЕЖА XVII - XVIII ВВ.

Пословицы издавна привлекали к себе внимание исследователей. Этнографы и фольклористы, филологи и лингвисты, историки и философы часто использовали этот жанр народного творчества - своеобразный сгусток философской мысли, концентрат многовекового народного опыта. Не обойдена вниманием и тема "Женщина в пословице", раскрывающая феминистические аспекты проблемы.

В настоящей статье преимущественное внимание обращено на отражение в пословицах гендерных отношений. Гендер - это система биосоциальных отношений, возникающих у мужчин и женщин в результате их общения между собой и с внешним миром и проявляющихся во всех сферах жизни человека и общества. Рассмотрим корпус русских рукописных пословиц рубежа XVII - XVIII вв., когда они впервые были записаны и стали фактом литературы и общественной мысли. Из более чем 15 тыс. пословиц отобраны те, которые дают достаточно интересный материал для характеристики гендерных отношений той эпохи.

Пословицы - один из самых древних жанров устного народного творчества. Их возникновение относится еще к дописьменной истории человечества. Они представляют собою стереотип народного самосознания, своеобразное зеркало народного менталитета за длительный период существования русского этноса. Часть из них донесла до нас преклонение перед женщиной и женской плодоносящей силой, уважение и любовь мужчины к женщине, жене, матери, осознание великой силы женской любви, ее жертвенности и бесконечной преданности. Но вместе с тем мы сталкиваемся и с андроцентричностью пословиц, возникающих на стадии патриархата, когда мужская картина мира и власть мужчины в нем постепенно отодвигают женщину на второй план, уготовливая для нее роль служанки мужа, и даже утверждают неполную принадлежность женщины к категории "человек" (вспомним расхожую и в

наши дни пренебрежительную сентенцию "курица не птица, баба - не человек"). Уже одно это заставляет нас задуматься над причиной трактовки женщины в пословице лишь в качестве пассивного объекта действия. Самое же главное заключается в том, что мы встречаем в пословице отображение отношений между мужчинами и женщинами, попытку взаимного их противопоставления с противоположной оценкой действий мужчин и женщин как правого с неправым, как правильного с ошибочным, как должного с неупотребительным. Да можно найти и еще много примеров важности пословицы для анализа гендерных отношений.

Исследование логичнее всего начать с рассмотрения того, как высказалось в пословице любовное чувство. Его отображение многопланово и разнообразно. Мы встретим в народных афоризмах отклики на любовь чувственную и духовную, любовь к девушке, невесте, жене, матери, бабушке, жениху, мужу, детям и т.д. Тема эта настолько многопланова, что требует специального, подробного и детального рассмотрения. Для наших же целей важно отобрать те пословицы на тему любви, которые обращают внимание прежде всего на взаимоотношения мужчины и женщины на разных этапах развития любви. Для нас имеет очень большое значение то, что в пословице мы встречаем отображение всей истории любви мужчины и женщины - от самых первых шагов знакомства, робкого ухаживания, слепой ревности и трепетного ожидания счастья до горьких минут потери близкого человека и суровой прозы одинокого вдовства. Вся жизнь человека проходит перед нами.

Для народной пословицы характерно восприятие любви в первую очередь как единения взглядов и оценок, как чувства, стоящего выше всех иных увлечений и переживаний: "Любовь любит единость"*.

---

* Все пословицы цитируются с сохранением старой орфографии по печатным и рукописным

Выразительно сопоставление любви и ее предпочтение перед всем, что составляло уладу жизни человека: "Пиво - не диво, мед - не хвала, всему тому любовь голова!". Любовь в пословице противопоставляется и материальному достатку: "Деньги - железо, платье - тлен, а любовь всего дороже!". Гендерный аспект в понимании любви хорошо просматривается в тех пословицах, которые ратовали за любовь среди равных по положению: "Равные обычаи - крепкая любовь". Сила любви так велика, что она покрывает множество грехов. Конечно, отнюдь не всегда любовные отношения между мужчиной и женщиной складывались удачно. Бывало, что любовь не выдерживала испытания временем, возникали и противоречия, и недоразумения, и непонимание интересов друг друга. Но, видимо, традиционный жизненный опыт породил убеждение в том, что основой семейной жизни была терпимость к недостаткам друг друга: "Лихо терпеть, а стерпится - слюбится". Условиями же для счастливой семейной жизни пословица считала невмешательство окружающих в личную жизнь супругов. Скромность, сдержанность на людях в проявлении любовного чувства - вот что утверждает пословица: "Любовь любит наедине!".

Сила влюбленности у человека бывает так велика, что она буквально ослепляет. Предмет любви представляется влюбленному лишенным каких бы то ни было недостатков. Поистине "Любовь слепа!" - говорит пословица. Но - проходит время, отношения между любящими меняются, да и сама любовь, казавшаяся на первом этапе вечной и неизменной, может смениться ссорой: "И любовь в ссору переходит!". Случается и такое, что милый и, казалось бы, безупречный когда-то человек становится постылым: "И милой бывает постыл!". Пословица, правда, не раскрывает причин такого изменения чувства, указывая лишь на одну из них: "Всяк страх изгоняет любовь". Но это - лишь частный случай любовной ситуации. В целом же пословица глубоко убеждена в вечности животворящей силы любви, в ее самоценности, в бесконечности любовного чувства: "У любви нет конца, как у кольца!".

Посмотрим теперь, как оценивает пословица взаимоотношения мужчины и женщины на разных этапах возникновения и развития любви. Главное свое внимание пословица уделила

периоду, предшествовавшему заключению брака, тому времени, которое мы называем "ухаживанием". Это время рассматривается в народе не просто с симпатией, но и с явным любованием: "Любо видеть, как девка с парнем идет!". В гендерном плане весьма интересна пословица, созданная, несомненно, в мужской среде и сетующая на длительность и утомительность ухаживания: "За женским полом не находишься!". В этой же среде возникли пословицы, говорящие о непостоянстве чувства девушки, об изменчивости ее увлечений. Любовь в этом случае сравнивается с желтым цветом (в русском фольклоре крепкая и взаимная любовь ассоциируется с алым цветом, а измена - с желтым): "Желтый цвет - женский привет: как отцветет - и привет пропадет!". Сложность ухаживания для парня пословица объясняет тем, что "Женское слово смущает сердце". Период ухаживания может многое предопределить во всей дальнейшей жизни мужчины, и пословица учит его быть особенно предупредительным к девушке, чтобы не спугнуть зарождающееся чувство: "Страх причины - не задирай дивчины!". Во многом это обусловлено тем, что на первом этапе зарождения чувства у парня и у девушки разное отношение к любви и разные планы. Если парень зачастую думает лишь об удовлетворении своих весьма приземленных помыслов и желаний, то девушка уже в это время полна мыслями о создании семьи, грядущем замужестве: "У девки - загадка, а у парня - свой смысл" - какая яркая иллюстрация для характеристики гендерных различий в едином, казалось бы, любовном чувстве!

Вольная, свободная жизнь в девичестве ("Злато время - молодые годы!") рисуется пословицей так: "Девушка - красна певича!". Но ведь эта вольная ("красная") жизнь была крайне коротка: только до замужества ("Девка красна до замужества"), а потом ей ни посидеть, ни отдохнуть: "Затем девке не сидеть, что ей робят носить!". В гендерном плане важно отметить разницу в определении продолжительности этой свободной и "красной" жизни у мужчин и у женщин: "Девушка красна - до косы, а у молодца - и до конца". "Коса" в этой пословице - символ замужней женщины. Расплетение косы у невесты на свадьбе знаменовало переход ее к замужеству. Девичеству наступал конец.

Пословица тонко отметила такую черту девического характера как забывчивость ("Забывчив, как девка!" или "Девичья память: парня забыла"). Гендерные отношения в пословицах подобной тематики выражены весьма отчетливо: характеры парня и девушки

сборникам, список которых приводится в конце статьи.

порою рисуются в противопоставлении: "Девка - щепка, парень - камень". Очень часто девичья красота вызывает отнюдь не восхищение: "Личико беленько, да разуму маленько", а греховная связь между мужчиной и женщиной осуждается взаимно: "Сором девке, а парню - позор".

Счастливая и беззаботная жизнь в девичестве вовсе не означала, что девушке суждено полное безделье. До замужества девушка должна была справиться приданое, и не только для себя, но и для будущего мужа: "Все то красные девицы изощьют, а добрые молодцы износят!". Трудлюбие девушки было одним из важнейших условий заключения брака. Опытные матери знали, что будущий муж будет выбирать себе жену "не в хороводе, а в огороде" - трудолюбивую, умелую, обязательно рукодельную мастерицу. Поэтому матери и учили дочерей показать свое умение еще до замужества: "Тки, дочка, не суючись*": жених идет по улице!".

Замужество рассматривалось как естественный, предопределенный самой природой и потому просто закономерный исход девичества: "Скрасит девку венец да молодец". Супружество было самым желанным для девушки шагом. Видимо, не случайно возникла поговорка: "Девушка плачет - замуж хочет!". Стремление к созданию семьи было обоюдным у обоих полов ("Стройно молодец ходит - жениться хочет!"), и в гендерном отношении необходимо еще раз подчеркнуть важность изучения таких поговорок. И все же: именно для девушки замужество было единственно искренним желанием, смыслом ее существования, целью ее жизни. Перед юношами открывалось много путей. У девушки из народа в старые времена был один путь: к брачному венцу. Вот почему в поговорке и говорилось: "Не береги дерева в лесу, а девку в людях". Объясняется такая рекомендация, в частности, и тем, что внебрачные дети не были редкостью в крестьянском быту того времени: "Никто не бывал, а у девки - дитя!". И в самом деле, раз брак неизбежен, чего выжидать - "В девках доле - замужем короче!".

Гендерный анализ поговорок, связанных с девичеством, позволяет нам установить устремления парней и девушек, их цели, их полоролевое поведение, имеющее задачей выбор достойного мужа/жены. Важно при этом подчеркнуть порою определяющее значение этих задач и целей для всей последующей жизни индивидов: в этот период жизни решалась не

только их личная судьба, но зачастую и жизнь всего рода, всей семьи. Короткий промежуток между отрочеством и юностью был поистине судьбоносным, переломным. Видимо, этим и объясняется большое количество поговорок, посвященных этой теме, их разнообразие, их разное - мужское и женское - происхождение.

Но вот кончился период ухажорства, прояснились цели бурных и туманных поначалу отношений - впереди маячила свадьба, изменение статуса и девушки, и парня. Они - жених и невеста! Общеизвестно, как подробно освещается эта тема в устном народном творчестве - и в песне, и в сказке, какие нежные слова, какие яркие сравнения находим мы для характеристики невесты! Невеста - предмет особого уважения, заботы и восхищения. Она неприкосновенна: "Не бью дерева в лесе, невесты - в людях!" По старинным народным представлениям выдача невесты замуж просто немыслима без предварительного сватовства: "Пива без дива не выпьешь, а девку без слова не выдашь". Поэтому свадьбе обязательно предшествовали смотрины - они были одним из самых ответственных моментов свадебного обряда, ведь "Девочку смотреть - не камочку* купить". Уже после смотрина наступала свадьба, о которой поговорка так говорит: "Свадьба без дива не бывает" или: "Свадьба без пороку не бывает". Иногда во всех несчастьях, довольно часто бывавших на свадьбе, вину нечистую силу: "Смутил черт брак, а сам в буерак".

Гендерный подход к анализу свадебного обряда помогает выделить роль сватов. Если первичное знакомство двух брачующихся семей осуществляли обычно женщины (свахи), то когда **речь уже заходила об оформлении свадебного договора («ряда»), задело принимались мужчины. Сватами посылали самых уважаемых людей («Холостова светать не посылают»), речистых, ловких, расторопных, способных в нужный момент поддержать разговор, когда жених, смутившись, умолкнет: «Жених замолчал - ин сват заворчал».** Конечно, жених и сам по себе старался показать себя во всей красе - недаром поговорка подчеркивала: «Жених весел - всему браку радость». Своеобразной итоговой оценкой роли жениха звучит поговорка: «Женихом брак честен».

Немаловажное значение в ходе сватовства и свадьбы играло стремление сватов приукрасить достоинства жениха - иногда и входя в про-

* Т.е. не суетяся.

* Камка, камочка - шелковая цветная ткань с узорами.

тиворечие с его истинными качествами. Пословица потому и говорит: «Сваты с правдой не ездят» или: «Сватанье - хвастанье!» и высоко оценивает свата за его порою решающую роль в благополучном завершении сватовства: «Сват, сват, а не сват - ин добрый человек!».

Казалось бы, и сваты - знающие и опытные, понаторевшие в своем деле люди, и родители не менее заботливы, и молодые, бывает, уже успеют познакомиться, а то и полюбить друг друга - откуда здесь взяться случайности? Но пословица не зря уделяет случаю, счастью, удаче очень большое место в результате сватовства. В жизни случалось всякое. Бывало, что и прекрасно спланированные и многократно обговоренные браки распались и невеста доставалась совсем не тому, на кого рассчитывали: «Щастливому невеста достанется!». При этом пословица добавляет: «Много сватается, да одному достанется». Причин этому было много, в том числе и материальных: «Затем дело ли стало, что приданого мало?».

Но вот окончилось сватовство, пришла пора самой свадьбе. Она отражена в пословице довольно скупно (не то в песне - там эта тема расписана в мельчайших подробностях!), но зато необыкновенно широко в пословице освещены последствия брака, особенно поспешного, неравного, насильственного. Эти описания дают богатейший материал для характеристики тендерных отношений. Самое широкое распространение получила в пословице антитеза «милый - постылый». Необыкновенно выразительны берущие за душу пословицы, рассказывающие о невыносимости для женщины отдавать свое тело и ласки человеку, который ей противен: «Лехче не видеть милова, нежели лежать подле постылого!» Тема эта варьируется неоднократно («Тяжко милого не видеть, тяжчае - подле постылого лежать»), и при этом противопоставление милого друга постылому, навязанному насильно мужу неизменно остается: «Далеко милый, а далее был [бы] постылой!» или: «Кто не мил, тот всегда постыл». Создается впечатление, что для женщин в насильственном браке есть всего лишь два определения: либо милый, либо постылый: «Либо милый, либо постылый» или: «Лучше не ждать милого, нежели постылого». Как общий итог звучит пословица: «Лучше с милым, неже с постылым!».

Но - дело уже сделано, брак, хотя и подневольный, остается нерасторжимым, и женщине приходится поступаться самыми дорогими для нее чувствами, да при этом утешаться расхожей мудростью: «Любишь милова - люби и постылова». Невысказанная горечь этой пословицы ярко проступает при сопоставлении с другой, где недвусмысленно говорится: «Милому насильно не быть!» О какой любви, о каком уважении к навязанному мужу может идти речь в таком браке: «Не жаль постылова, жаль милова!».

Не нужно думать, что опостылеть может только нелюбимый муж. В гендерном плане надо отметить, что опостылеть (по пословице) может и нелюбимая жена - это та, которая силой женит на себе человека, пользуясь своим богатством: «Приданое милу не сделает» - говорит в этом случае пословица, счастья в таком, мы бы сказали меркантильном, браке не бывает. И лишь представление о нерушимости и вечности брачных связей заставляет не только терпеть жизнь с нелюбимым человеком, но и убеждать себя: «Не избывай постылого - не возьмет Бог милого!».

Как бы то ни было, но пословица, осуждая насильственный брак, предупреждает: «Невольная женитьба не делает веселья». В таком браке бессильна помочь даже всемогущая церковь: «Крестом любви не свяжешь!» - какой выразительный образец антицерковных представлений трудящихся масс!

Пословица - как и другие жанры фольклора - нередко обращается к теме одинокой женщины, которой «Без милого жить скучно». Казалось бы, и людей много вокруг, и вроде бы, неплохих людей, да вот «Много хороших, да милого нет!». Поэтому с такой болью вспоминает несчастная и одинокая женщина о минувшем, о несбывшихся мечтах и надеждах: «Была дорожка к милому, да минулась». Любая «Дорога к милому - недалний путь» или: «К милому семь верст - не околица»; есть и такой вариант: «Длинный путь - милого не разлука».

Гендерный подход к пословице позволяет установить, что в неудавшемся браке в равной степени достойны сожаления обе стороны - и мужчина, и женщина, все одинаково обижены судьбой: «Жаль девки - погубили парня». Насильственный брак, столь часто совершавшийся в старину по воле крепостника-феодала, а позднее - по решению самодуров-родителей, приносил женщине вечные слезы: «Девушка, хочешь ли плакать? Пойди за

нево!». Насильственный брак толкал женщину на осквернение супружеского ложа, на измену: «За нужу с мужем, коли гостя нет». А как выразительны размышления выданной насильно замуж женщины: «Чуж муж мил, да не век с ним, а свой постыл - волочиться с ним». Особенно тяжким в чисто физиологическом плане был брак молодой девушки со стариком: «Стар хочет спать, а молодая - играть». Поэтому пословица так настойчиво советовала устраивать браки между ровнями как по возрасту, так и по материальному положению. Молодость - вот лучшее время для создания семьи, потому что «Молод муж - молода и его мысль».

Пословица решительно и бесповоротно осуждала поспешный брак: «Скорая женитьба и скорое богатство - видимая напасть» или: «Скорая женитьба - видимая работа». Понятие поспешного брака пословица связывала даже с понятием несчастной судьбы: «Скорая женитьба - видимый рок». Решение о создании новой семьи не должно быть поспешным; главное - подготовить необходимую материальную базу для новой семьи: «Хорош женицца, да было бы чем одетца!». Мало того, мужу требовалось прокормить и жену («Жена - не коза: есть хочет!»), и всю семью: «Не* велика семья, а все едоки». А для этого нужно было много работать - «Женицца - так не леницца, хотя и не хочетца вставать». А уж если оба будущие супруги ленивы - дело совсем плохо: «Женицца ленивой на сонливой: богато бы им жить», - с иронией говорит пословица о таком браке.

Тендерные аспекты русских пословиц XVII - XVIII вв. проявляются и в представлениях о нестабильности брака. Жену нельзя было покинуть как ставшую ненужной вещь: «Жена - не сапог: не скинешь». Даже если любовь к жене и прошла, с ней нельзя было просто так расстаться: «Не любя жена, да куда ж ее деть!». Очень выразительна другая пословица на ту же тему: «Жена - не гусли: поиграв, на спичку не повесишь». Женившись и обзаведясь семьей, мужчина обязан был постоянно думать о ней: «Где дед ни бери, а бабу корми» или: «Где стар ни бери, а старуху корми». Семнадцатый век - время серьезных экономических сдвигов, усиленного формирования всероссийского рынка. Именно в это время в пословицу проникают и чисто хозяйственные понятия (например: «Мала жена - не убыток»), с хозяйственной точки зрения рассматривал крестьянин появление в доме невестки: «Две шубы - тепло, две хозяйки - добро».

Самое главное, считает пословица, это семейное единство мужчины и женщины, согласие, «лад»: «На што клад, как в семье лад!» или: «Лучше лад нежели

раздор». О единстве мужа и жены говорит и грубоватая народная пословица «Муж да жена - одна сатана» или такая пословица: «Мужа с женой не разделишь». В тендерном плане важно подчеркнуть стремление мужчины решать совместно с женщиной семейные вопросы: «Подумаю с подушкой, спрошатаю и с подружкой». Такая жена-советчица - милая его сердцу: «Всякому мужу своя жена мила». Согласие в жизни, единство взглядов пословица называет самым дорогим в жизни; собственная жена дороже всех других женщин, пусть даже и очень хороших: «Чья жена хороша, а мне своя мила!». Поэтому наивысшее счастье в жизни - «Жить вместе и умереть вместе!» - недаром именно эту мудрость взял А. Грин в качестве счастливой концовки к некоторым своим сказочным фантазиям: «Они жили долго и умерли в один день».

Конечно, не всегда семейная жизнь бывала сплошной идиллией единства и благополучия. Случались и размолвки, когда «Муж - про жену, а жена - про мужа», когда при встрече семейных пар разговаривал «Муж с мужем, а жена - с женой». Но все разногласия, - учит пословица, - должны разрешаться без вмешательства посторонних: «Свои бранятся - бранятся, а чужой - не приставай!». Какими бы ни были ссоры и размолвки, жена всегда оставалась хранительницей семейного очага: «Отдай жену в люди, а сам по миру поиди» - то есть, без жены дом - сирота.

Но даже если этот воспеваемый пословицей полумифический «лад» и существовал в семье, он все равно не избавлял женщину от тяжелого изнурительного труда и в поле, и по дому. Недаром издавна существовала пословица «Женское лето - Семен день». Она связывала окончание лета с 1 сентября, когда во многих местностях России отмечали день Семена-Летопроводца. Еще более выразительна другая пословица: «Женское лето по Семен день отпето!». Да впрочем, женщина не знала отдыха ни летом, ни зимой, пословица утверждала даже, что «женское лето - по Петров день» - т.е. оно укорачивалось до 12 июля, а затем опять шла страда. Тяжесть женского труда в поле, бесконечные заботы по дому - все это породило пословицу: «Бабей огород не-долголетен».

Непосильный изнурительный труд женщины вызывал заболевания, «болести». Немоци и болезни жены воспринимались мужем как, увы, неизбежность: болезненность женщины в старину была обычным явлением: «Борода кажет мужа, а женку - ее нужна». Мужчине в случае болезни жены оставалось лишь сочувствовать ей, высказывать догадку,

сообразительность, как и чем лечить заболевшую: «На женские немочи и догатка - лекарство» или: «Женские немочи догатка лечит». Эти пословицы говорят о женских болезнях и о необходимости мужу сочувствовать своей жене. Родовые же муки женщин воспринимались в мужской среде как нормальное физиологическое явление: «Для тягости родин жениху не отказать стать!» или: «Жену слушать что больно родить, так на свете и людем не быть». Родовые муки были оправданы и православной церковью как наказание за первородный грех. Поистине, лишь сами женщины, пережившие роды, могли с полным основанием сказать: «Кто не родит, тот и не скорбит!». Женская судьба была такова, что и болеть-то ей было некогда; недаром пословица отмечала: «Псовая болезнь - до поля, а женская - до постели».

Конечно, семейная жизнь была нелегким бременем не только для женщины, но и для мужчины. Мы встретим в пословице горькое сожаление по вольной холостяцкой жизни молодца, когда он «Женат не бывал, а без жены не спал». Как легко и просто жилось холостому! «Холостому много ль надобно?», в то время как «Человек женатой - что птица в клетке». Выбирая себе жену, холостой нередко сталкивался с такой ситуацией, когда «Много девок, а ни в одной пути нет!» или: «Много жен, а добрых нет». Образно рисует пословица состояние холостого человека после женитьбы: «Что красен? Женицца хочю. Что побледнел? Женился!». Поэтому пословица и утверждала: «Мужу краса - до уса». Любовь холостого - сточки зрения женщины - подобна вешнему льду: она непрочна, недолговечна: «Любовь холостого как вешний лед». Вот и стоял мужчина перед вечной дилеммой: «Без жены - скучно, а с женой - трудно» или: «Жениться - беда, не жениться - беда, а третья беда - не дадут за меня!». Но жизнь требовала своего, мужчина тоже понимал неизбежность женитьбы, ведь «Две головешки вместе всегда курятся, одна - гаснет». Только семья гарантирует спокойную жизнь и нормальное питание: «Для щей люди женятся, а для мяса - замуж выходят». А конечная, итоговая характеристика брака и семейного положения мужчины в пословице, надо сказать, звучит весьма иронично: «Холостой - простой, женат - рогат, а вдовец - зяблец!».

Для изучающего гендерные отношения весьма интересно сопоставление совершенно различного отношения мужчины/женщины к женитьбе/замужеству. Если для молодого мужчины грядущая женитьба представлялась большею частью ненужной (но, увы, неизбежной!) обузой,

то для женщины предстоящее замужество казалось желанным избавлением от всех горестей и невзгод, вступлением в новую самостоятельную жизнь, которая просто обязана была быть счастливой. Будущий муж рассматривался женщиной в первую очередь как оборона, защита (и, главным образом, материальная помощь): «Муж - дому строитель, нищете отгоните ль». Муж мыслился женой как опора («Худ муж, а завалюсь за него - не боюсь никого» или: «Хоть худ мужичок, да зату-лье* мое: завалюсь за него, - не боюсь никого!»). Жизнь без мужа рассматривалась женщиной как сиротство: «Без мужа жена всегда сирота». Наоборот, замужняя женщина - это прежде всего госпожа своего положения: «За мужем жена всегда госпожа», особенно если муж достанется милостивый: «У милостива мужа всегда жена досу-жа!». В то же время в тендерном плане весьма интересно подчеркивание не только равноправия мужчины и женщины в браке («Мужа чтят за разум, а жену - по уму»), но и право женщины на высокую оценку вне зависимости от брака: «Жена досу-жа добра и без мужа!».

Равнозначность мужчины и женщины в браке - примечательный вывод пословичных речений «Куда батька, туда и матка» или: «Куда сам, туда и сама». Но вместе с тем: «Куда жена - туда и муж». Жена в пословице - верная помощница мужу, источник его чести и достоинства: «Женою доброю и муж честен». Глубокое уважение и неизменная любовь к жене слышатся в пословице: «Мило - что жена, а горько - что беда!». И для женщины муж. - залог ее счастья: «Лучше с мужем, нежели с чужим. Или: «Чуж мужмил, да не век с ним

Изучая гендерные отношения мужчины и женщины в семье, всегда интересно посмотреть, как относились к мужу и жене в обществе. Оказывается, в обществе по жене судили о муже («Какова жена, таков и муж»), а по мужу - о жене («Каков бацька, такова и матка» или: «Как сам, так и сама». «Каков дед, такова и баба», *«Как у батьки, так и у матки», «Как у деда, так и у бабы» - вот какие варианты встречаются среди пословиц на эту тему). Безусловно, положение женщины в обществе во многом зависело от мужа: «Красна пава перьем, чесна жена мужем». У доброго мужа даже злая жена переменялась: «У добра мужа злая жена на добро есть».

За что же муж больше всего любил свою жену? Судя по пословице, - увы! не за ласки, не за женственность и самоотверженность, не за жертвенность и доброту! Исконный и неистребимый мужской эгоизм звучит в широко распространенной в древности и дошедшей до наших дней пословице:

«Муж любит жену здоровую, а брат сестру - богатую». Пословица имеет и такой вариант: «Больная жена - мужу, убогая сестра - брату»: именно муж и брат обязаны были заботиться о заболевших, а ведь это всегда было накладно: «Больная жена мужу во всякую нужу». Здоровая же жена в семье - залог беспечальной жизни -отсюда сравнение женщины с коровой {самым дорогим и необходимым в семье домашним животным): «На што корова, - была б жена здорова».

Вот такой сугубо утилитарный подход к спутнице своей жизни сопровождался у мужчины весь* ма простым проявлением любви к ней (и, на наш современный взгляд - весьма неожиданным!) - «грозой». Без капли сомнения пословица утверждала: «Любить жену - держать в грозе» или: «Любить жену - держать и грозу!». «Гроза» в такого рода пословицах - это не просто угрозы, страх, но и прямые побои: «Бей жену что шубу, а люби - что душу». При этом пословица старается обосновать необходимость «грозы» и побоев тем, что «Воля добру жену портит». Бить жену надо бышо как можно чаще {«Бей жену к обеду, а к ужину - опять»), ибо «Кто жену не бьет, тот и мил не живет». Повседневность, обычность мужского рукоприкладства видны из таких пословиц: «Бил дед жабу, гро-зяся на бабу» или: «Резал дед лозу, давал бабе грозу». Бить рекомендовалось не только жену, но и дочь: «Щоткою - головку, а плеткою - молодку». Не помогала и ласковость жены: «Жена - сердцем, а муж - перцем». Тот, кто не бьет жену, - утверждала пословица, - рискует обеднеть: «Жене спускать - то в мошне искать». При этом категорически утверждалось: «Брак без драки ретким любовен».

Эта тема - связь любви с побоями - заслуживает специального исследования именно в гендерном плане. Действительно ли любовь ярче и полнее, привлекательнее после побоев, как это утверждает пословица? Не наличествует ли здесь определенный налет мазохизма? А, может быть, перед нами - стремление мужчин оправдать свое рукоприкладство - единственное, в чем они всегда были сильнее женщин? «Жена да покорится мужу своему» - как этот библейский афоризм способствовал возникновению в русских пословицах оправдания побоев? Разрешение этой проблемы не входит в задачу настоящего исследования. Приведем лишь некоторые из многочисленных пословиц на эту тему. Во-первых, мы сталкиваемся со спокойной констатацией обычного, часто (видимо!) встречавшегося в то время в быту факта: муж свою жену «Любит, да лупит», причем не только голый

рукой, а «Обошел муж женушку дубинным корешком!».

Но в то же время, если бы это было взаимоприемлемым и для мужчины, и для женщины способом выражения любовных чувств, тогда бы не было горьких размышлений над судьбой женщины: "Женский быт, всегда он бит!". Кроме того, в народном сознании если побои и оправдывались, то только в отношении жены, но ни в коем случае не матери. Только отпетые эгоисты и баловни, избалованные материнской любовью, могли допустить это: "Учен бьет жену, а дrochen* - матушку". Довольно часто встречаются пословицы, пытавшиеся доказать исконную зависимость женского тела от плети ("Замок пригож клетью, а задок - плетью"), а также рекомендовавшие бить жену для усиления ее любовного чувства: "Бить шуба - будет тепла, а учить жена - будет мила". И лишь как редкое исключение встречается пословица, поучавшая мужчину: "Пей пиво, да не лей, люби жену, да не бей!".

Несомненна связь пословиц, оправдывавших рукоприкладство мужа, с теми изречениями, которые подчеркивали неполноценность женщины по сравнению с мужчиной. Самой популярной из них была пословица, дожившая до наших дней: "Волосы долги, да ум короток". Исходя из подобных пословиц мужчине и рекомендовалось не очень-то стремиться удовлетворять женские запросы: "Женские прихоти не исполнить". С нарочитой грубостью пословица утверждала: "Женское збойство* и на свинье не объехать". Упорная же, с властным характером жена вызывала у мужей горечь и явное осуждение: "Жена упорна - ни мякишь, ни корка", а повседневная жизнь с такой женой иссушала саму душу мужчины: "Жолна** долбит древо, а жена сушит чрево".

Пословица говорила о бессмысленности и безрезультативности женского гнева ("Баба гневалась на торг, а торг того и не ведает"), тем более, что брань женщины чаще всего бывала - для безопасности! - заочной ("За очи баба и князя бранит!" или: "За очи и князя баба потяжет"). Особо порицалась женская похвальба: "Ходила баба море зажигать: море не зажгла, а слоту*** явила". По поведению женщины судили и о ней самой: "Какова баба - такова ей и слава". Весьма скептически

* Дrochen - неженка, баловень, любимчик.

* Збойство (сбойство) - мошенничество, хитрость, коварство, обман.

** Жолна - черный дятел.

*** Слота - слякоть, мокрогоды; в переносном смысле - пустословие, вранье, хвастовство.

воспринималась и такая типично женская черта характера как слезливость: "У баб и лукавых слезы готовы"; спокойно говорится в пословице и о девичьих слезах: "Девка плачет, а белка скачет".

Все это лишний раз подтверждает многогранность и явную противоречивость пословицы как исторического источника. Мы встретим в ней и высокую оценку мужа женой и жены мужем - но одновременно и откровенную насмешку, причем взаимную. Пословица в этом плане так же разнообразна и многопланова, как и сама жизнь: реальные житейские ситуации, как давно известно, нельзя уложить даже в самую тщательно разработанную схему. В жизни (в том числе и в отношениях между мужчиной и женщиной) бывало (и сейчас существует!) всякое - и плохое, и хорошее, и восхищение, и пренебрежение. В гендерном плане это легко проследить еще на одном частном примере, нашедшем образное воплощение в пословице - на отношении мужа к красавице-жене.

Красивая жена - это естественная радость и гордость мужа ("Посмотрите только, какая красавица меня выбрала!"), но одновременно и предмет больших забот и подозрений, неиссякаемый источник ревности. Видимо, давний житейский опыт породил пословицу: "Кто имеет жену красивую и лошадь хорошую - всегда не без мысли бывает". По всей вероятности, часто встречалось в жизни это противоречие, когда мужчина, с одной стороны, считал желанной и завидной красоту жены, а с другой - расценивал эту красоту как лишнюю заботу и дополнительные хлопоты и подозрения: "Хорошая жена - лишняя сухота" или: "Жена красовита - безумному радость". Поэтому пословица и предупреждала неопытного мужа: "Не смейся чужой жене - своя молода!". Размышления над непонятной властью женской красоты и женского сердца над мужчиной вызвали к жизни выразительную пословицу: "Женское сердце - что жар в железе!". Постоянное сомнение мужчины в верности красивой жены выражено в пословице: "Не верь жене в дому, а коню - в дороге".

С гендерной точки зрения для исследователя особо важны те пословицы, которые оценивают не внешние проявления семейных коллизий (ибо подобные коллизии бесчисленны и многообразны), а дают итоговое осмысление роли женщины в браке. Весьма тонко и вполне определенно и недвусмысленно в пословице утверждается конечное главенство женщины в семье. Несмотря на освященную традицией, церковью и государством власть мужа над женой, не глядя на побои и видимое

первенствующее положение мужа (особенно на людях, на виду!) - все-таки НАСТОЯЩЕЙ (пусть даже внешне не бросающейся в глаза!) ГЛАВОЙ СЕМЬИ была женщина! Именно ей судьба предопределила умело, исподволь, незаметно - и в то же время терпеливо и последовательно! - направлять семейную лодку в нужное именно ей, женщине, русло. Как правило, женщина была достаточно умна, чтобы не помыкать своим супругом на людях. Наоборот, она ловко оказывала ему все необходимые внешние признаки почтения, она внешне во всем с ним соглашалась и во всем ему потакала - но на практике она всегда заставляла мужа - не мытьем, так катаньем! - сделать по-своему! И ничто не могло помочь мужчине - даже побои: "Жену хошь лозою, а она над ним грозою!" или: "Муж жену лозою, а она над тобой с грозою". Многовековой житейский опыт, результат длительной наблюдательности виден в популярной, многократно записанной пословице: "Жена мужа не бьет, а под свой норов ведет!" или: "Бранит жена мужа, а бить его не нужна".

Чем же объяснить столь необычную силу женщины? Ее сила была в ласках. Во всех семейных коллизиях побеждала та, которая знала, когда и как воспользоваться своим беспроницаемым средством: "Ночная кукушка денную перекукует!". Поэтому вовсе не случайными и вполне закономерными были пословицы: "Жена мужу пастырь!" или: "Жена мужу паства". Встречаются даже пословицы, в которых власть жены над мужем освящается церковью: "Бог волен да жена, коли волю взяла". Правда, в мужском сознании власть женщины нередко связывается не с божественной, а с бесовской силой: "Бес учит, что жена ворчит!".

В изучении гендерных отношений, как известно, особенно важно учитывать то, как общество оценивает значение женщины в жизни мужчины. Пословица выражает общее мнение, определяя роль женщины в судьбе семьи: "Не бывала на того беда, у кого не умерла жена" или: "Велика мужу садель* - жена умерла". Тяжкой была судьба и у женщины, похоронившей мужа: "Горькие проводы, когда жена мужа хоронит". Это и понятно: из хозяйки-жены она превращалась во вдову, а вдовство означало для нее тягчайшее испытание, такой удар судьбы, от которого нелегко было оправиться. С душевной болью говорит пословица о вдовстве, сравнивая его с самым тяжелым испытанием, выпадавшим на долю труженика - с пожаром: "Лучше

* Садель - досада, огорчение; рана, ссадина; боль, страдание.

семью** горкти, а ни одна б вдовица". Еще одно, не менее выразительное сопоставление вдовства, на этот раз - с полным опасением плавания по морю: "Водою пловучи - что со вдовою живучи". Пословица однозначно и безапелляционно утверждает: "Вдовица - горе терпели". Бедственное, считай - нищенское, положение вдовьего дома образно так охарактеризовано пословицей: "На вдове двор хотя щепку переборщи, и то ей прибыль". В народном сознании вдова беззащитна и безнадежна: "Без запросу вдова товар". Да, "Жена при муже не вспомнит о нуже", в то время как без мужа "Ж[е]вать бабе охлопки без прихлебки". А вот как образно обрисован долгий трудовой день вдовы: "Рано вставая поп поет, а позд[н]о ложась вдова плачут". Горькое и беззащитное положение вдовы сравнивается в пословице с теми сельскохозяйственными культурами, которыми чаще всего прельщались все, кому не лень: "Обидно в поле горох да репа, завидно в мире вдова да девка". С горькой иронией говорит пословица о вдовьей доле: "Шей, вдова, широкие рукава, было бы куда класть небылных слова!". Оценка вдовы и вдовьей жизни в пословице - типично фольклорная: то же самое мы наблюдаем и в песне, и в сказке. Фольклору вообще чужд образ "веселой вдовушки", столь обычный в литературе и в дворянской культуре вообще (опера, живопись и т.д.).

Итак, девушка - невеста - жена - вдова - вот типичный жизненный путь женщины, вот что составляет основу гендерного анализа пословиц о женщине. Но из этого перечня выпала "мать" - образ, заслуживающий специального рассмотрения. Ведь этот образ - один из самых волнующих в устном народном творчестве. Не пытаясь раскрыть его во всей полноте, остановимся на тех пословицах, которые характеризуют мать как первейшего и единственного для каждого человека существа: "Другой матери не будет!" или: "Нет такова друшка, как матушка". "Около матки хорошо дитятке" - справедливо утверждает пословица, зная, что для матери больны все скорби ее детей: "Короста на детках и матке свербит".

Самое же главное заключается в том, что при матери дети всегда ухожены и присмотрены ("При матке все дети гладки"), в то время как "У многих пестунов всегда дитя без глаза" или другой, популярный и в наши дни вариант: "У семи нянек дитя без глаза". Житейская мудрость и давний семейный опыт слышатся в пословице: "Без матери младенца не утетишь". Истинная

материнская любовь всегда бескорытна: "Которая мать свои детки с[о]сет?" - вопрошает пословица и не ждет отклика на свой даже не требующий ответа вопрос. Мать сравнивается в пословице с Землей-кормилицей: "Мать кормит детей, как земля - людей"; вспомним здесь и определение "Мать-сыра земля", столь традиционное для всего устного народного творчества.

Мать - единственный в роду и в семье человек, на которого не распространяется власть мужчины - хозяина рода и семьи: "И батька в матке иногда не волен". Любовь сына к матери по пословице - выше всех других обязанностей, ведь "Раб служит страха ради, а наемник - мзды ради, а сын - любви ради". Именно мать была мерилем поведения, именно по ней судили и о дочери: "Какова мать, таковы и дочери" или: "По матке и детки". "Хороша дочь, как мать хвалит" - говорит пословица, утверждая, что только мать знает лучше всех и достоинства, и недостатки своих дочерей.

Всегда ли материнские заботы по достоинству оценивались детьми? Увы, нет. До нас дошли пословицы, рассказывающие, что "Мать кормит сына, сохнет, а он по ней и не охнет" или: "Матка по дочке плачет, а дочка о Диомке скачет". Есть и такой вариант: "Матка по дочке плачет, а дочка по достке скачет". Скаканье на досках - излюбленная забава девочек и девушек в XVII в.: поперек бревна клали доску, уравнивали ее, на концах доски становились играющие и, подпрыгивая, старались скинуть друг друга. Встречаются и другие пословицы на ту же тему: "Бабка с мотовилы*, а вну[ч]ка - з белилы" или: "Болят дед о бабке, бабка - о вну[ч]ке, а вну[ч]ка - о сучке". И, несмотря на такое отношение некоторых детей к матери, мать все могла вынести и вытерпеть от своего сына - не то, что жена от мужа! И потому пословица предупреждала: "Не шути женой, шути матерью!"

Надо ли говорить о том, что в пословице (как и во всем устном народном творчестве) мать резко противопоставлена мачехе: "Лучше мать, нежели мачеха!". Про худую, беззаботную мать (и такие тоже встречались) в народе говорили: "Не мать это - мачеха!". Ласки мачехи всегда оценивались пословицей как скрытое лицемерие: "Ласков, что мачеха до пасынка" или: "Что мачеха пасынка чешет". Лицемерность, показное радушие мачехи особенно ярко выражены в пословице: "Мачеха

** Т.е. семь раз.

* Мотовило - приспособление для размотки пряжи в мотке.

до пасынка удобрилась - велела на заговенье все щи выхлебать!". Заговенье - это последний день мясоеда, канун поста. По христианскому обычаю в этот день полагалось съесть всю скоромную (мясную) еду. Несъеденное выбрасывалось свиньям. В этой пословице мачеха отдавала пасынку то, что все равно было бы выброшено на корм скоту. Еще одна пословица на ту же тему: "Мачеха надвое аволю пасынку дала: наг ходи, либо без рубахи". Или вот такая пословица: "Горе мачехино: пасынок сметаны не ест", в то время как "Горе мачехино, что пасынок сметаны не ест, а временем и сыворотке рад". Словом, "Кто имеет мачеху, - тот печаль имеет".

Женщина была в семье не только женой, матерью, мачехой, но и свекровью, тещей, снохой, невесткой. Их образы также получили в пословице оценку либо характеристику. Свекровь выступает обычно суровой хранительницей семейных (или родовых) традиций. Как правило, она досаждала молодой снохе своими нравоучениями: "Журлива, что свекровь", а ведь известно, что "Журьба пуще побои". Пословица (сложенная, скорее всего, молодой снохой) отдает предпочтение свекру: "Лучше свекор, нежели свекровь!". Выразительно рассказано о лицемерии в заботе свекрови о снохе: "Свекровь снохе говорила: невестушка, полно молоть, отдохни, потолки!". Нельзя не отметить, что пословица защищала незавидную судьбу молодой снохи в доме мужа: "Чтят сноху не для смеху!". Так же однозначно характеризуется в пословице и теща - только с позиций зятя, только как источник дополнительных благ домовитой хозяйки, которых нет еще у новоявленного зятя: "Не жалей тещино добра - колунай масло шилом". Более подробен вариант XVIII в.: "Не жалей тещино добра, колунай шилом масло, а пресное молоко спичкой хлебай!" - как образно здесь передано угощение зятя скуповатой тещей! Бывали и такие пословицы: "Был у тещи, да рад, утекши". Интересы зятя и тещи редко совпадали: "Зять с тещей говорили день до вечера, а в люди сказать нечево". Теща, естественно, жила зажиточнее зятя: в гостях у молодых она была церемонна и прихотлива: "Сыта теща не кушает гущи!".

Положение невестки в семье было нелегким. Никаких прав она при живой свекрови не имела, с ее мнением не советовались, а наоборот, все считали своим долгом поучать пришедшую в новую семью молодайку, сваливая на нее все невзгоды и неурядицы: "Кошку бьют, а невестке

наветки* дают". Больше всего сочувствия невестка видела в новой семье от деверей (братьев мужа): они были ближе ей по возрасту и обычно дружили с ней ("Деверь невестке обычной друг!"), а иногда, особенно если были холостыми, и заглядывались на молодую женщину: "Села невестка прясть: берегите, деверья, глаз!".

Гендерная характеристика женщины в семье будет неполной, если не остановиться на образе бабушки в пословице. Этнографы и историки давно уже пришли к единодушному выводу: в русской семье бабушка играла и продолжает до сих пор играть заметную структурообразующую роль (в отличие от семьи западной!). Именно на согбенные плечи бабушек ложилась забота о подрастающем поколении, именно бабушка большей частью занималась домашними делами - кормила, стирала, ухаживала за малышами, воспитывала их и т.д., заботилась, чтобы они были во время накормлены: "Где баба ни бери, а внука корми!". Такая большая нагрузка на пожилую уже женщину приводила к тому, что век бабушек был, по пословице, недолог: "Как пять лет - так и бабий век!". Много было у бабушек хлопот, и никто не получал от них отказа: "Бабка походит - всему тому пособит". А ведь к старости она становилась неповоротливой ("Доколе у бабы кныши** поспеют, дотоле у бабы и души не станет"), медлительной ("Бабии повороты непоследны"), она не говорила, а шепелявила: "Шамкает, что баба, а хамает, что жаба". И в то же время семья без бабушки - не семья: "Кто бабе не внук?". Частые ошибки и просчеты старой женщины вызвали к жизни пословицу: "Бывает и на старуху проруха" или: "На старуху да не одна проруха".

Наконец, следует остановиться на образе кумы в пословице. Кума не входила в число членов семьи, но она была крестной матерью и, как таковая, занимала видное место в семейных отношениях. Кумовство - это народное название духовного родства. Во многих районах России кума в случае смерти матери ребенка брала на себя заботы по его воспитанию, помогала ему в течение всей его жизни. Куму обычно чтили и уважали ("Теми умами значься и с кумами"), ибо "Кума не без ума!". Куму любили и часто приглашали в гости ("Изволила кума и приехала сама"), она была также частой и обычной гостьей на посиделках ("Кумушка, попряди, а потом домой побреди"), причем при расставании ее обычно одаривали гостинцами ("Кума, есть у

* Наветка - косвенное обвинение, намек, поучение обидяком.

** Кныш - печеная белая булка.

ней и сума"), да и сама она приходила в гости обычно не с пустыми руками ("Кума к куме тащит в суме"), причем чаще всего это было рукоделье ("От кума - алтын, от кумы - полотно"). Этот обычай вызвал шутовское присловье: "Велико, кума, деешь - в гости идешь, яйцо несешь. Ты бы запросто шла, блюдо пирогов несла!". Бывало, что расходы на любящую подарки куме приводили к прорехам в семейном бюджете ("Водиться с кумою - волочиться с сумою"), что и вызвало такую сентенцию: "Многие кумы доводят до сумы". Щедрость в отношении кумы могли себе позволить только состоятельные люди ("Богатой с кумою, а убогой - с кромою*"), а те, что победнее, говорили: "Кумушка-кума, окрести мое дитя, да и не знай моего двора".

Случалось, что кума оказывалась и бранчливой, и досадливой ("С бранливой кумой не напрощаешься"), от такой кумы и подарки были нелюбы: "Коли кума не мила, постылы и гостинцы!". Любовная связь с кумой порицалась народной моралью. Обычно это приводило к семейной драме ("Знаться с кумою - расстаться с женою"), но, видимо, такая связь не была редкостью, особенно если ей способствовала сама кума: "Прельщается Фома, как убелится кума". Надо добавить, что и церковь осуждала близость с кумой и даже отказывала в венчании вдовца с крестовой кумою.

Выше уже говорилось, что преобладающие количественно пословицы с высокой оценкой женщины не исчерпывают, однако, всего богатства народной мудрости на женскую тематику. Гендерный анализ пословичного материала дает возможность выявить в его составе и такие изречения, в которых явно выступает резко негативная оценка женщины. Очень многие из таких оценок проникли в пословицу из церковных поучений, издавна осуждавших женщину как "сосуд греховный", как носительницу "первородного греха", как орудие дьявола в соблазне человека и особенно монаха. Эти поучения проникли и в древнерусскую литературу - значительную часть ее составляют такие произведения как "Слово о злых женах", "Беседа отца с сыном о женской злобе" и т.д. В течение многих веков церковь прививала народному сознанию представление о женщине как о низшем существе, которого нужно остерегаться, сторониться, беречься. Все это не могло не отразиться - и действительно отразилось! - в народной пословице. Мы встречаем в сборниках пословиц XVII - XVIII вв. прямые заимствования из древнерусских слов и

---

* Крома - кусок (ломоть) хлеба.

поучений: "Злых всех злее злая жена" или: "Лев дивен смирением, а жена - покорением". На примере этой пословицы отчетливо проступает книжный характер подобных поучений - это сравнение женщины со львом, экзотическим животным, далеким от русского быта.

Конечно, сводить возникновение подобного рода пословиц только к влиянию церкви было бы ошибочным. Они могли появляться и на чисто бытовой основе, в процессе общения мужчины и женщины между собой и в ходе их общей семейной или общественной жизни. Образ своенравной и упрямой жены встречается и в песне, и в русской народной сказке - вспомним, хотя бы, известный сюжет "Стрижено-брито", когда упрямая жена, даже умирая, не имея возможности говорить, жестами выражала свою точку зрения! То же и в пословице: "Злоречивой жене хошь язык отрезать - и она перстом наживает!".

Общеизвестны многочисленные фольклорные сравнения женщины с белой лебедушкой, величавой павой, быстрокрылой ласточкой, легконогой перепелочкой и многие другие. Но наряду с этим злая жена сравнивается со змеей ("Из дому - жена, а из лесу - змея"), свиньей ("Знай жену злонравну, что свинью приправну"), с червем-древоточцем ("Ест червь древо, а зла жена - чрево"), с жабой ("Живочи за бабою - квокать жабою"), с собакой ("Лутче раздразнить собаку, нежели бабу") и др.

Очень часто в пословице встречается осуждение типичной женской черты характера - разговорчивости, общительности, говорливости. В устах мужчин эти черты характеризуются как ворожба, пересуды, сплетни, "басни" и т.д. Вот примеры таких пословиц: "Баба ворожила да головой наложила", "Баба бредит - черт ей верит". Последняя пословица весьма характерна для определения женской разговорчивости как бесовского качества (с мужской точки зрения, разумеется!), ср.: "Баба болтает - черт ее толкает" или: "Баба бредит - черт ей верит", "Беси то ведут, что бабы бредят" и др. Пословицы подобного рода пытались внушить слушателям, что только глупые люди могут верить женским рассказам: "Баба бредит, а глупой ей верит" или: "Бабиим басням нечево верить", "Басни бабы, а дурак то любит". Жизнь с излишне разговорчивой, а тем более ворчливой женой рисовалась такими пословицами в самых мрачных красках: "Взяв жену брызгливу, утирай, что возгриву*". Часты сравнения женских нескончаемых разговоров с кваканьем лягушек: "Жаба да баба квочут да клохчут". И,

---

* Т.е. сопливаю.

как итог подобных оценок, пословица: "Жена говорлива мужу не мила".

Осуждая женскую разговорчивость, пословица к тому еще и подчеркивает малую ее результативность: "Баба скачет задом-передом, - все то взойдет своим чередом". Особенно бесплодны по пословицам были ссоры женщин между собой: "Баба бабу понукает, а во обеих проку нет!". Часты пословицы, утверждающие, что все действия женщин приносят мужчинам один вред: "Баба блудилась, а деду грехи" или: "Баба пляшет, а дед плачет". Излишняя болтливость женщин внушала опасение, и потому пословица предупреждала: "Жене тайны не сказывай!". Острота, действенность женских оценок и их образного языка вызывала у мужчин искреннее удивление: "Женское слово - как стрела" или: "Женское слово - что клей рыбей". Особое осуждение у мужчин вызывала неутомимость женских пересудов: "Женскому хвосту не бывает посту!", а уж тем более бездумная беззаботность склонной к веселью и нарядам жены: "Муж в тюрьме, а жена - в сурьме*" или: "Худ муж в могилу, а добра жена по дворам". Нередка была и ситуация, когда муж ради прихотей жены и ее желаний принарядиться залезал в долги: "Муж в долгу, а жена - в шелку". Это, как правило, приводило уже к драматическим ситуациям: "На муже беда, а жена веселится" или: "Дед погибает, а бабе - смех". Встречались, видимо, в жизни и еще более острые формы противостояния мужа и жены: "Муж печется, как бы хлеба добыть, а жена мыслит, как бы мужа избыть". Естественно, такая "злая" жена противопоставляется в пословице "доброй": "Добрая жена рада за мужа умереть, а злая жена рада избыть".

Надо ли говорить, что для мужа самой оскорбительной и самой тяжелой была физическая измена жены, осквернение супружеского ложа. Поэтому пословица и предупреждала: "Не сказывай жене, у кого нос велик" (нос в данном случае - это эвфемизм для обозначения фаллоса). Используя библейские образы, пословица подчеркивает соблазнительность женской красоты ("Мед каплет от уст жены-блудницы") и с горечью отмечает: "Едино есть неизбытно зло в человецех - женское хотение". Трудно достижимым идеалом виделся в пословице честный брак и верная жена: "Брак честен и ложе нескверно".

---

* Сурьма - черная краска, которой женщины красили ("подводили") брови.

Подводя итоги гендерного анализа русских рукописных пословиц рубежа XVII - XVIII вв., можно сделать несколько общих выводов.

1. Основная масса пословиц этого времени освещает общечеловеческие моральные требования и представления, в равной степени относящиеся и к мужчинам, и к женщинам. Это - воспитание в человеке трудолюбия, милосердия, верности долгу и слову, уважения к старшим, доброты, отзывчивости и многого другого.

2. В пословицах, отображающих отношения мужчин и женщин, преобладают те, что сложены в мужской среде и выражают специфически мужскую точку зрения и мужскую же оценку женщины и ее поведения. Андроцентричные русские пословицы наделяют женщину рядом негативных черт: у нее нелогичный ум, она не вполне дееспособна, имеет вздорный и зачастую непредсказуемый характер, ей присущи коварство, непостоянство, болтливость, вздорность, неуживчивость, своеволие и эгоистичность.

3. Вместе с тем мы находим в пословицах, созданных мужчинами, и глубокое уважение к женщине, восхищение ее красотой, преклонение перед ее терпеливостью, нежностью, женственностью, восхищение ее сообразительностью, мягкостью, жертвенностью и т.д. Иными словами, мы сталкиваемся в пословице с отображением сложного взаимодействия мужского и женского начал, противоречивого и отнюдь не однозначного. Гендерный мир пословицы так же сложен и противоречив, как сама жизнь.

4. В пословицах, отразивших "женскую картину мира", мы прежде всего сталкиваемся с фатальной незащищенностью женщины, видящей в замужестве единственный и неизбежный вид самореализации. Брак (по пословицам) рассматривался женщиной главным образом как средство спокойной и обеспеченной материальной жизни. Любовь, ради которой женщина готова была на самопожертвование, редко ассоциировалась в женском понимании с брачными отношениями. Любовь была сама по себе, а брак - тоже сам по себе.

5. Но нельзя думать, что этим и ограничивался женский субстрат в пословице. Мы находим в ней и высокое понимание роли мужчины в мире, уважение его трудолюбия, постоянную надежду на его защиту и оборону, восхищение перед его жертвенностью в защите семьи и Родины, преклонение перед его физической силой и мощью его разума.

6. Мать занимает совершенно особое место в русских пословицах, кем бы они не создавались. В пословицах, возникших в женской среде,

подчеркивается трудность материнства, причем не столько в родах, сколько в воспитании детей. Пословицы, созданные мужчинами, рассматривают мать как источник заботы и ухода; она - вечный объект уважения и преклонения, символ жизни вообще. На мать никогда не переносятся те отрицательные характеристики, которые иногда встречаются в оценках женщины/жены. Мать вынесена за пределы взаимоотношений мужчина/женщина, она стоит как бы над ними, она выше их.

7. Познавательная ценность пословицы для изучения гендерных отношений несомненна. Однако пословицы в силу своей многозначности (полисемичности) сложны для исследования. Их зачастую противоречивые данные допускают самое различное толкование и понимание. Поэтому изучение гендерных отношений только по одним пословицам может дать неожиданные результаты. Показание пословиц требуется всегда сопоставлять с данными, полученными при анализе других источников. Эти показания требуют весьма критического к себе отношения. В то же время по своей эмоциональности, выразительности, образности и одновременно непередаваемой лапидарности пословицы, несомненно, превосходят все остальные типы, роды и виды источников. Именно это и привлекает исследователей при характеристике наиболее обобщенных и устоявшихся черт характера мужчины/женщины на самых

различных этапах становления их личных и общественных взаимоотношений. Притягательность пословицы - в ее высочайшей степени обобщения, в том, что она выражает вековые нормы морали народа, этические и эстетические образцы общечеловеческого уровня.

Записки Северо-Западного отдела Русского географического общества. Вильна, 1910. Кн. 1, 3.

Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII - XX веков. М. Л., 1961.

Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского дома. Л., 1972. С. 28 - 56.

Русский фольклор: Материалы и исследования: Вып. 4. М.; Л., 1959. С. 305 - 330.

Симони П.К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII - XIX столетий. СПб., 1899. Вып. 1 (Отд. отт. из сб. Отдела русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1899. Т. 66.).

Страницы из истории русской литературы. М., 1971. С. 24 - 36.

Зіновієв Климентій. Вірші. Приповісті посполиті. Київ, 1971.

